

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Символы власти

Перевалив через возвышенность, люди остановились. Впереди был Ванька Малкин с длинным прямым обломком ветки в руке, поднятым у подножия холма. Открывшийся вид порастил. Окаймленное деревьями поле клином уходило вниз, к глубокому рву. За рвом — россыпь острых скальных обломков, которые затрудняли движение к воротам в высоком частоколе. За частоколом высился старинный особняк. Он походил на древнее строение. Многого было не разглядеть, но с высоты холма можно понять, что строение ломаной формы. Крыша особняка прокалывала воздушную синь треугольным шпилем.

Из ворот выехал всадник, медленно миновал скальные обломки, протрусил вдоль рва и осторожно спустился вниз. Пропадал из виду. Но вскоре лошадь легко и быстро вынесла его наверх, на этот край рва, пригнула голову и пустилась к вершине взгорья. Расстояние до людей сокращалось.

— Определенно, едет к нам, — проговорил Малкин, опираясь на сук, как на посох.

— Странно, — Володька Лугатик прищурил глаза от яркого солнца и погладил ладонью голый живот. На всякий случай глянул по сторонам, а вдруг кроме них на вершине кто-нибудь еще нарисовался и ждет всадника. Однако взгляд никого не выудил. — Странно, — повторил озадаченно. — Строение внизу, как из времени Оно: окружено частоколом и рвом. Какой-то средневековый замок, крепость.

На всаднике был темно-синий балахон из плотной ткани с капюшоном. Он с головой укрывал высокое тело и часть широкого

крупя желтой длинношеей лошади с белой гривой и сильной грудью. Капюшон был расшит красными узорами.

— Что-то не по нутру мне всё, — нервно сплюнул Лугатик. — Снова куда-то вляпались. Не понять, где очутились. Лица конника не видно. Закапюшонился наглухо, как маг.

— Подъедет — разглядим, — успокоила Сашка, не отрывая глаз от всадника. Просторная синяя футболка с Ванькиного плеча топорщилась на ней помятыми краями.

Кивком Малкин согласился с Сашкой. Его худой голый торс блестел на ярком солнце густым загаром, кожа на плечах шелушилась.

— Ну и пекло, — Андрюха Раппопет вспотел от жары и обмахивался полами расстегнутой рубахи. — Представляю, как преет этот бедолага. Не думаю, что он маг. Маги любят закидоны, а этот скорее местный фермер, — кинул взор на стоявшую рядом Катюху, та напряженно одергивала белый топ, и продолжил: — На мясо бычков разводит или огурцы с помидорами штампует у себя за забором. Усадьба-то приличная. Одной землицы оттяпал, будь здоров. И домишко в старинном стиле смастерил.

— Домишко, — усмехнулась Катюха. — С частоколом и рвом вокруг. Володька прав, такие на картинках видели в книжках про благородных рыцарей. Крепость какая-то.

— Не хватало нам еще рыцарей, — возмутилась Карюха, глянув на Катюху и Сашку. — Одни проблемы. Отыскать бы дорогу домой. — Вздохнула, поднимая грудью ткань рубашки-сеточки. — А то придется ребятам выступать на рыцарских турнирах, биться за даму сердца, — стрельнула глазами по парням.

Сжав губы, Малкин воткнул сук в землю, бесцельно пошарил в карманах штанов и скрестил худые руки на груди.

Всадник приблизился, и люди оторопели, ибо голова лошади была гладкая, без морды: ни глаз, ни рта, ни ноздрей. Однако от нее доносилось отчетливое фырканье. Лошадь была крупной, выше обычных коней, с мощными длинными ногами и большими копытами. Всадник скользил подошвами кожаной обуви по верхушкам высоких трав. Натянув повод, остановился в десяти

шагах от Ваньки. Выпрямился в седле, откинул назад капюшон, и все увидали безликую голову. Вместо лица — гладкая ярко-оранжевая кожа, будто выбритый затылок. Волосы на голове набежали на ушные раковины и топорщились жиденькой порослью ярко-желтого цвета, как окрас лошади. Люди не проронили ни звука. Ванька широко расставил ноги, распрямил плечи. Конный привстал в седле, протянул к Малкину руку, и все услышали глуховатый голос и незнакомую речь, исходившую от безликой головы. Друзья переглянулись. Друзья оторопело переглянулись.

— Кажется, приплыли, — сорвалось с языка Андрюха Раппопета. Он помедлил, ожидая отклика друзей, но их реакции не последовало. Продолжил: — Кажись, он нам что-то брякнул. Не пойму, как у него это получилось безо рта и как он видит нас без глаз? Магия мозги морочит. Катюха, переведи, что он сказал, ты у нас в языках сечешь. — Андрюха проглотил слюну, набрал воздуха и шумно выдохнул. — Гутен таг, приятель! Привет, говорю, друг ситный! Не кукуешь по-немецки? И по-русски не шурупишь? Плохо, приятель. Извини, разговор не получится, — сунул руки в карманы.

Всадник натянул повод и показал рукой назад, на крепость. Вновь разнесся его голос.

— Тут без бутылки не разберешься, — зашевелился и осторожно проворчал Лугатик за спиной Малкина. — Может, он приглашает нас в гости? — поморщился, как от боли в десне, почесал затылок и повысил тон, выступая вперед. — Эй, чучело оранжевое, коли уши у тебя есть, значит, слышишь нас. Случаем, в той богадельне не обитает какой-нибудь заваливающий маг, чтобы перевести твою тарабарщину на нормальный язык? Кивни мурлом хотя бы!

— Не хами, — осадил Володьку Малкин. — Сначала разобратся надо, где мы вообще находимся.

Всадник опять показал рукой на крепость. Лошадь без морды прянула ушами, и тишину расколело громкое ржание. Конник погладил ее по шее и потрепал длинную гриву. Сашка сделала шаг к Ваньке:

— А если Володька не ошибается? Вдруг и впрямь этот безликий выехал встретить нас? Все равно выбора нет. Мы бы

и сами туда потопали. Наверняка там есть другие живые души. Может, перекусить удастся.

— От жрачки я бы не отказался, — вклинился Лугатик. — Только всякие головоломки вот уже где! — он стукнул себе по шее. — Опасаюсь пакостей. По безликой башке не поймешь, что он затевает.

Чуть-чуть всадник прижал коленями бока лошади. Та подступила ближе к Малкину. Парень задрал лицо, разглядывая лошадиную голову без морды. Конник пригнулся к гривастой шее. И опять раздался глуховатый голос. Затем безликий подхватил длинные полы синего балахона и легко спрыгнул на землю. Был он на голову выше Ваньки, но узок в плечах, прям и пружинисто подвижен. Неожиданно отвесил короткий поклон, чем привел Ваньку в замешательство, и протянул парню повод лошади. Тот посмотрел на странное плетеное седло, показал на девушек. Безликий еще раз коротко и быстро поклонился Ваньке, являя лысеющий затылок. Проворно, не церемонясь, подхватил под мышки Сашку и легко подбросил в седло. То же самое проделал с Катюхой и Карюхой, посадив их спереди и сзади Сашки. Девушки пискнули от крепкой и жесткой хватки сильных рук. Безликий накинул на голову капюшон, взял лошадь под уздцы, повел вниз по склону. Полы длинного балахона тащились по земле. Девушки притихли, обхватив друг друга. Ванька нижним концом палки поковырял в траве и двинулся за лошадью. Парни потопали следом. Все было странно. Напряжение возрастало: никто не представлял, что их ждало впереди.

— Что он перед тобой спину гнул? — усмешливо пробрюзжал Володька, ковыляя рядом с Ванькой по густой упругой траве. Она легко ложилась под ноги и выпрямлялась сзади, укрывая следы. — Надеюсь, не напоит каким-нибудь отравленным зельем, чтобы мы коньки отбросили.

— Не дрейфь! Где наша не пропадала! — оборвал его толстячок Раппопет. Он шел под гору, опережая Ваньку и Володьку. — Хотя носом чую, это не то место, где мы хотели оказаться.

— Поглядим, — уклончиво отозвался Малкин, машинально забрасывая на плечо посох.

Девушки покачивались на лошади. Спина безликого проводника маячила впереди. Ров приближался. Верх особняка за частоколом притягивал взгляды.

У кромки рва проводник остановился, обошел круп лошади и сунул в руки Раппопету конец ее хвоста. Андрюха удивился, но принял его из огромной оранжевой ладони, представив на миг, как тяжел, должно быть, большой оранжевый кулак. Ров был глубокий, с обрывистыми краями. Вниз вдоль крутого склона, поросшего густой травой, кустарником и ядовитыми пыльцовыми растениями, вела узкая пологая искусственная тропа. Проводник показал парням, чтобы шли след в след. Его поняли. Начали спускаться. Лошадь за проводником двигалась аккуратно, приседая на задние ноги. Раппопет не выпускал хвоста, ему в затылок дышал Лугатик и замыкал Малкин.

Кустарник по склону невысокий, усыпанный колючками, как металлическими шипами. Острые иглы прошивали насквозь одежду и кожаную обувь всякого, кто сбивался с тропы. Вперемежку с кустарником пиками росли пыльцовые растения с пышными головками. При прикосновении к ним выбросы ядовитой пыльцы оставляли на коже глубокие ожоги, приводившие к болям и смертельному исходу. Медленно спустились на дно рва. Воздух показался сырым. Гладкая стелящаяся трава под ногами влажно захлюпала, будто ступали по воде, между тем ноги были сухими. Прodelали несколько десятков шагов поперек рва и пошли круто вверх по противоположному склону. На выходе Раппопет, вцепившись в хвост лошади, пыхтел, Лугатик за ним сопел, Малкин глубоко дышал. Лошадь фыркала. Проводник молчал. После рва по изгибам тропы миновали огромные каменные глыбы и приблизились к высоким тяжелым деревянным воротам в частоколе. Скрепленные несколькими металлическими накладками поперек воротнич, они висели на широких кованых застарелых металлических почерневших петлях.

Проводник постучал кулаком. Лошадь нетерпеливо затопталась на месте, в воздухе пронеслось ржание. На стук ворота под металлический визг тяжелых несмазанных петель начали отворяться. Появилась щель. Девушки смотрели во все глаза. Раппопет просунул руку под ткань рубахи и напряженно почесал грудь. Незнание могла ошарашить, как обухом по голове. У Лугатика вспотели подмышки, защемило где-то в районе селезенки. Малкин снял с плеча посох и оперся на него двумя руками. И вот навстречу из ворот хлынула безликая толпа. Количество безликих ошеломило друзей. В первое мгновение эта масса показалась абсолютно одинаковой: оранжевая кожа, полное отсутствие лиц. Но вскоре стали обозначаться различия между мужчинами и женщинами. В одежде, во внешнем облике. У женщин волосы пышные, длинные, с обручами и перемычками, с заколками и фероньерками, окрашены в разные яркие цвета. Прически — от элементарных до замысловатых, на ушах серьги, от незатейливых до причудливых, со сверкающими украшениями. У мужчин волосы негустые, прилизанные, скудной цветовой гаммы. Одежда у тех и других обыкновенно тривиальна. У мужского пола — тканевые накидки длиной до бедер, просторные короткие штаны и, по щиколотку, открытая обувь из свиной кожи. У женщин такие же накидки, длиной чуть ниже бедер, но с глубокими вырезами, сильно открывающими грудь, расшитые украшениями, различными узорами из цветных нитей и перехваченные всевозможными тканевыми и кожаными поясами. Ноги полностью голые, легкая кожаная обувь по косточку. Все очень высоки ростом, поджаристы и мускулисты.

Толпа остановилась в нерешительности, пока из ее гуши не выпал звонкий голос. Он разрядил обстановку. Оцепенение спало, в гурьбе произошло шевеление. И зазвучали другие голоса. Заходили тела, замахали руками, окружая прибывших. Однако толпа не казалась враждебной, без оружия, без диких выходок. Это успокаивало. Но вдруг толпа перестала напирать, замерла перед Ванькой, постепенно обезголосев. А когда он на

ком-либо останавливал взгляд, тот коротко кланялся и скрывался за спинами других. Малкин покраснел. Ему ничего не оставалось, как делать ответные кивки. Это приводило толпу в восторг. А Ванька смущался все больше, пока непрерывные поклоны не начали раздражать. Лугатик сунул пальцы под коричневый ремень брюк на поясе, расслабленно хихикнул и проговорил:

— Кажется, ты здесь желанный гость, Ванька. Значит, с голodu не подохнем. Это уже хорошо. Явно ждали тебя, иначе зачем бы им возле ворот околачиваться? Удивительно, как сослепу не тыркаются друг в друга? Ориентируются как-то? Ведь не сбился с тропы этот оранжевый верзила. И тебя со мной никто не перепутал. Мне что-то поклоны не бьют. Странно. Как это? По запаху, что ли? Не могут же они быть магами все подряд.

Ванька не ответил, состояние неопределенности немного тревожило. Раппопет с другого боку несколько раз зыркнул в сторону Володьки, но промолчал. Собственно, о чем говорить, и так понятно, что ни черта не понятно, зачем еще дополнительно туману нагонять. Проводник откинул с головы капюшон и сквозь толпу повел лошадь в ворота. Гурьба расступилась. Чья-то рука легонько коснулась голой ноги Сашки, та вздрогнула в седле, заметив, как оранжевые пальцы безликих женщин потянулись к ней. Она машинально отдернула ноги. Скоро за спинами длинно завизжали петли ворот, закрываясь. Дорога дальше была вымощена диабазом. По сторонам стояла стража: кожаное облачение, щиты, луки, мечи, шлемы.

Крепость представляла собой строение вытянутой формы. Нижняя часть стен выложена из массивного цветного тесаного камня, прямоугольные отверстия в стенах служили окнами. Верхняя часть стен — деревянная в рубленом исполнении, тоже с окнами и резным оформлением. Венчала все округлая фасонная крыша с надстроенными башенками и длиннющим треугольным деревянным шпилем. Конструкция кровли была витиеватая, но при этом создавала ощущение прочности.

Перед широкой входной дверью проводник придержал лошадь, погладил по морде. Потом похлопал по шее и передал повод огромному оранжево-безликому стражнику, облаченному с ног до головы в скрипучую кожу, со щитом, большим луком, колчаном стрел за спиной и коротким мечом на кожаном поясе. Грубовато ссадил с лошади Сашку, за нею Катюху и Карюху. Девушки, оказавшись перед огромными стражниками, сжались. Проводник потянул на себя тяжелую, обитую синим металлом дверь за большую кованую ручку красного металла в виде головы птицы, пропустил вперед людей. За дверью открылся зал с разноцветными широкими каменными скамьями вдоль стен. По углам — вазы с сушеными иммортелями в ярких красках. Произнес несколько непонятных слов, подхватил полы балахона, поклонился Малкину и вышел. Друзья остались одни. На высокие скамьи усаживаться никто не захотел, заскользили взглядами по залу. Тот был квадратным, стены выложены ровно, из хорошо отшлифованного камня розоватого цвета с золотисто-зелеными прожилками. Гладкий каменный пол. В проемы в стене лился жаркий свет и безудержно проникали уличные звуки. Люди вытерли пот, медленно расслабились.

На стене, расположенной против входной двери, красовалось странное полотно, выполненное в стиле маркетри, в нем было все: и краска, и мозаика, и металл, и камень, и дерево. Что оно выражало, объяснить никто бы из приятелей не взялся. Но все почувствовали магическую силу символов, запечатленных на полотне. Они притягивали взгляды и будоражили воображение. Перед глазами возникали разные фантастические образы. Чудовища, птицы, воины, звери, женские и мужские фигуры.

Вот красивое женское лицо выдвинулось из полотна, проплыло перед глазами, пошевелило губами и посмотрело с грустной надеждой. Затем медленно растаяло. Следом полотно заиграло радугой красок. Малкин резко отвернулся:

— Кино, — разлепил губы, понимая, что на кино это походило меньше всего. — Магия. — Приятели посмотрели на него.

Он продолжил: — Может, это здешняя жизнь, — пожал плечами. — Тогда мы невесть где. Поглядим, что будет дальше.

— Опять маги, — недовольно сказал Лугатик и пальцами смахнул с грязных помятых брюк прилепившуюся травинку. Та пропеллером закрутилась в воздухе и упала на гладкий розовый с золотисто-зелеными прожилками пол. Володька проследил за ней взглядом, а мозг отметил, что на сверкающем чистотой полу травинка досадно пялилась в глаза. Лугатик отвернулся и нервно дернул щекой. — Где эти маги? Проводник тоже куда-то смылся. Накормили бы хоть. Теперь чую, с голодухи ноги протянем. Вот попали: этим оранжевым жратва не требуется, у них — ни рта, ни глаз. И как они живут без подкормки? Вечный двигатель, что ли, черт побери? Или роботы. Подзарядка от батареей. — Лугатик шагнул к проему в стене и выглянул наружу. — Странно, куда-то подевались все безликие головы, ни одной не видно, даже стража не маячит, странно. Сплошной частокол — и все.

Друзья топтались по залу, слушая Володькин монолог. Конечно, в роботов никто не верил, но вопрос все-таки повис в воздухе. Лугатик оторвался от стены, растерянно плюхнулся на высокую скамью. Андрюха сосредоточенно опустил рядом, поморщился. Малкин, широко расставив ноги, стоял на месте, зажав подмышкой посох. Досадливо подумал, что следовало бы эту палку оставить на улице. Молчал. Сашка и Катюха жались друг к дружке и не отходили от Ваньки. Все нудились ожиданием. Оно давило неизвестностью. Внезапно в оконные проемы ворвались громкие крики и гроыхание, напоминающее звук ударов деревянной колотушкой по пустой металлической бочке. Лугатик и Раппопет вскочили на ноги. Раппопет кинулся к проему в стене, вытянулся, встав на цыпочки, грудью навалился на каменный выступ, выглянул наружу. Лугатик тоже высунулся из проема. Увидали, как к частоколу с разных сторон стремглав бежали безликие воины в кожаных снаряжениях, взбирались по шатким трапам на внутренние оборонительные дощатые настилы вдоль ограждения, на ходу срывали с плеч

щиты и луки. Ворота заперли. А из-за палисада сгустками туч полетели стрелы. Изнутри ответили тем же. Стрелы нападающих бились о каменные стены крепости, впивались в деревянные надстройки, влетали в оконные проемы. Их злое шипение, скрежет по камню потолка и пола вспугнули девушек, заставили Ваньку притиснуть девчат к стене. Внутри частокола кипели приготовления к отражению приступа: беготня, суета, грохотание повозок. Сквозь оконные проемы Лугатик и Раппопет не видели, что происходило за частоколом, но по тому, как извне прекратился поток стрел, а воины крепости на настилах частокола замерли, стало ясно — ожидается приступ. Так и случилось, началось. Безликое воинство крепости опять пустило в ход стрелы, пока на палисад по лестницам и веревкам не полезли нападающие. Тогда над пиками частокола засверкали мечи. Завязалась отчаянная схватка. Рубили головы, руки, сбрасывали лестницы вместе с нападавшими. Вдоль частокола стоял жуткий рев. Раппопет присел под оконным проемом, прокричал Ваньке, заслонившему девушек:

— Наших дел тут нет, Ванька! Не разберешь, кто кого гвоздит! Крошат друг друга. За частоколом ни черта не видно. Откуда только те взялись. И ров, и каменные глыбы не помешали. А мы, как в капкане. Как рыбы, выброшенные из воды. Рты разеваем, а сделать ничего не можем. Полный облом. Неизвестно, что приготовили нам здесь и чего ждать от тех, кто за частоколом! — опять выглянул наружу.

В какой-то миг почудилось, что схватка вот-вот перекинется внутрь ограждения. Почти весь частокол оседлали такие же оранжевые безликие враги. Ворота под ударами таранов начинали со скрипом поддаваться. Но в это время невесть откуда к защитникам крепости хлынуло свежее подкрепление. Взбежало на настилы. Внимание Лугатика устремилось на воина с зеленой бляхой на кожаном шлеме. Он был стремителен и изворотлив, орудовал мечом так сноровисто и проворно, что никак нельзя было уловить момент, когда его меч входил в грудь врагу и когда покидал тело противника. Казалось,

воин с зеленой бляхой неуязвим, но все-таки шальная стрела ударила ему в спину и сбила с ног. Между тем защитники крепости отбили нападение. Андрюха вытер пот со лба, будто сам участвовал в схватке. А Лугатик удовлетворенно выдохнул, мол, наша взяла. Нападающие откатились, шум за частоколом стих. Воины крепости стали скидывать трупы врагов с пик палисада наружу, своих убитых и раненых перетаскивали от частокола в заранее определенные места. Лугатик не отрывал глаз от происходящего и был крайне обескуражен, когда с раненого воина сняли кожаный шлем с зеленой бляхой, а из-под него посыпалась копна синих волос. Это была женщина. Володька развел руками, попятился, приседая, как жеребец, которого за узду потянули назад, выдавил из себя:

— Знать, с мужиками здесь туго, раз женщины воюют. Уго-раздило нас, братцы, в какое-то месиво.

В это время защитники по трапам спустились на землю, оставив на настилах немногочисленных дозорных, и принялись за работу, какая всегда появляется после побоища.

Отстранившись от проема, Раппопет подобрал с пола одну из стрел и внимательно присмотрелся. Острие металлическое в виде узкого острого кинжала, оперение также из металла, как широкое перо птицы. Озабоченно почесал затылок, показал остальным, но ни у кого не вызвал интереса. Лугатик взял ее, повертел в руке и, недолго думая, запулил через отверстие в стене на улицу.

Тут же с улицы плеснули голоса, выбиваясь из общего гула, началась непонятная беготня, зачастили восклицания. Прошло немного времени, и наружная дверь в зал распахнулась, вбежал недавний их проводник. На нем вместо синего балахона были надеты кожаные доспехи, но безликая голова — без шлема. Он кинулся к Ваньке, поклонился, и в воздухе запальчиво зазвучал глуховатый голос. Бросилось в глаза, что без балахона проводник особенно тощ и узкоплеч. Неожиданно он, скрипя кожей, как пересушенным пергаментом, проворно бросился собирать с пола оставшиеся стрелы, а собрав, протянул Малкину.

Ванька не понял такого порыва, озадаченно заморгал, не двигаясь. Машинально глянул на Володьку. Тот, как по команде, выхватил стрелы из оранжевых рук и без задней мысли повторил прежнюю процедуру: вышвырнул во двор через оконный проем. Проводник снова заскрипел кожей, отбивая Ваньке поклоны, закивал безликой головой и коротко наклонил лоб перед Володькой. Стремительно развернулся и выскользнул вон. В оконные проемы ворвались ликующие голоса.

— Вот так-то, — щелкнул языком Лугатик, — и мне досталось от Ванькиной славы, — повеселел. — А что, приятно чувствовать себя господином, особенно когда тебе кланяется такой верзила. Мы теперь с Ванькой наведем тут шухеру. Знай наших. Я догадываюсь, что талдычил его голос. Все очень просто, только надо как следует напрячь мозги.

— Тепло, — усмехнулась Катюха, — ты и в русском-то без шпаргалки не обходился, а тут, видите ли, напрягся и допетрил. Тогда валяй, переведи, коль вдруг так поумнел.

— Запросто, — Лугатик поймал насмешку в глазах Сашки, но в карман за словом не полез, улыбнулся и выдал сходу, на одном дыхании: — Он сказал, что только двое в нашей компании достойные люди, это Ванька и я. И с этого момента вы все должны нам кланяться, как оранжевый верзила, — Лугатик перевел дыхание, показывая в улыбке зубы.

Смотря исподлобья, Андрюха не испытывал веселья и не воспринял шутку, резко пресек, будто окунул Володьку головой в воду:

— Не дави на уши, балалайка, кончай пускать пузыри! А то сейчас из господина сделаю тебя козлом отпущения!

Примирительно Малкин предположил:

— Скорее всего, в поведении проводника какая-то символика. А действия Лугатика случайное совпадение с этим.

Прошло еще время в томительном ожидании. Все разместились по разным скамьям. В глазах появилась вялость, безразличие. И когда в дверях вновь возник проводник, встретили

равнодушно. Тот взмахами рук позвал за собой. В ответ лениво сползли со скамеек и потянулись следом. Проводник толкнул каменную дверь, которую люди не заметили во внутренней стене. Узкая и высокая, она вела в смежный зал чуть меньших размеров, выполненный из того же разноцветного камня. Людям открылось просторное банное помещение с десятком больших чанов, наполненных водой и расставленных вдоль стен. Подле шести чанов неподвижно, как статуэтки, стояли высокие и голые безликие оранжевые девушки с длинными разного цвета волосами, ниспадающими по плечам. Небольшие груди девушек и упругие тонкие тела говорили об их юном возрасте. Пол под ногами был влажным.

Из безликой головы проводника прозвучало несколько непонятных фраз, после чего оранжевые статуэтки направились к людям. Проводник исчез из купальни, а руки безликих девушек начали снимать с людей одежду. И тут же в воздухе поплыл тонкий приятный запах, расслабляя и успокаивая, над головой за клубился странный пар, окутывая людей легкой дремотой. Друзья не сопротивлялись: желание окунуться в воду пересилило другие настроения. Оранжевые руки бросили грязную одежду на пол и подтолкнули ребят к чанам. Раппопет вытянул сознание из полудремы, повернулся к Ваньке. Мозг пронзило беспокойство. Встревоженно отодвинул от себя оранжевую статуэтку, и почему-то посоветовал Малкину не выпускать из рук посох. Ванькин расслабленный разум обнаружил, что в руке он до сих пор держал палку. Зачем, почему? Ведь она была бесполезна. Теперь нужен только чан с водой. Но пальцы вдруг ощутили жар от посоха, как от горячего металла. Ванька инстинктивно крепче сжал его и полез в воду вместе с посохом. Медленно погрузился.

Вода в чанах благоухала запахами трав. На парня стало наваливаться ватное состояние, мозг застыл, как толстый сгусток холода. Однако собрав силы, он мотнул головой, сжал зубы и почувствовал, как ожили мысли, а мышцы стали наливаясь упругостью пружины. Мокрые банщицы лыковыми мочалками старательно

и умело докрасна натирали тела людей, с мыльной пеной снимали, казалось, вековую грязь. Вода выплескивалась из чанов, текла по полу к желобам вдоль стен и проваливалась в канализацию. Когда все закончилось и банщицы отодвинулись от чанов, люди, по шею в воде, ненадолго отдались полному покою. Но вскоре неторопливо начали вылезать из чанов. Оранжевые руки быстро вытирали их тела лоскутами ткани вместо полотенец. После всего банщицы откинули крышку большой плетеной корзины, вдруг появившейся в купальне, и вытащили незамысловатую новую одежду, точь-в-точь такую, какую приятели впервые увидели в толпе любопытных при входе в крепость. Их привычной одежды нигде не было. Лугатик вопросительно оглянулся и растерянно пробубнил:

— Придется ошиваться в одежде из нового дома моделей. И даже согласия никто не спрашивает. — Глянул на высокую банщицу, которая отмывала его в чане. Девушка на голову выше Лугатика. Мокрое тело было восхитительным, но безликость сводила на нет девичью красоту. Володька смотрел на нее, как на подвижный манекен. — У меня был фирменный прикид, а тут предлагают какой-то сногшибательный закидон. Не буду я это надевать. С чего бы? Хотя офигенная накидка, и штаны немислимого фасона. Ваньке к таким фасонам не привыкать, Андрюхе тоже сгодится, а мне он явно не к лицу, — помолчал, поморщился. — Не знаю, не знаю, впрочем, плевать, коль другого фасона не предлагают, для форса отоваримся этим. Боюсь, обувка будет великовата, но сойдет как проголодавшемуся. В общем, прибарахлимся. — Взял из оранжевых рук штаны и сунул в них ноги. Банщица помогала.

Положив посох на пол, Малкин отодвинул его дальше от себя, с намерением оставить здесь. А потом, как остальные, нырнул в непривычные одежды. Удивило, что подошел размер. Облачившись, двинулся за банщицей, пригласившей к каменной двери в стене. Но в эту минуту сзади в плечо его мягко толкнула другая банщица и с поклоном протянула посох. Он погрузтел. Избавиться не удалось. Взял палку в руку и шагнул

в открытую дверь. Вышли в знакомый зал, где ждал проводник. Уже без воинского облачения и без балахона, в такой же одежде, как на них. Поклонившись Ваньке, повел всех к другой стене с такой же скрытой каменной дверью. Распахнул. Глазам людей открылся новый зал со стенами из ярко-зеленого камня и темно-зеленым полом. Бросилось в глаза, что зал с большими оконными проемами имел необычное оформление из витиеватых ваз, подставок, военных трофеев на стенах. Но разглядеть подробно все не получилось, потому что в глубине зала на высокой скамье, сверкая крупными украшениями, их внимание привлекла женщина с пышными каштановыми волосами.

Очень высокая безликая оранжевая женщина в просторных, расшитых сверкающими драгоценностями одеждах сидела царственно и неподвижно. Драгоценные камни на ее пальцах, обработанные мастерами по глиптике, сияли. Рядом с ней стоял оранжевый безликий мужчина в простой длинной бело-голубой одежде с жиденькими, соломенного цвета волосами и склонялся к ее уху. Вдруг женщина величественно поднялась со скамьи и, легко ступая по темно-зеленому полу, стремительно пошла навстречу людям. Каштановые волосы летели по воздуху, отдавая блеском вплетенных в них украшений. На длинной шее висела тяжелая золотая цепь с драгоценными камнями и крупной сверкающей подвеской в виде острия копья. Яркая зелень стен блекла от блистания движущейся персоны.

Перед Ванькой женщина остановилась, наклонила над ним безликую голову, и он услышал негромкий молодой голос, обращенный к нему. Малкин пожал плечами и покраснел, он не понимал слов, не знал, кто перед ним, и лишь мог предполагать, что видел особу непростую. Ждал дальнейших событий, не выпуская из виду мужчину в бело-голубой одежде, узкоплечего, как их проводник. Тот подошел к парню с другого боку, и Ванька вздрогнул от неожиданности, услышав родной язык:

— Правительница Даконии, Айдука, надеется, что ты совершишь то, чего ждут от тебя даконцы, — отчетливо произнес оранжевый мужчина.

Обрадовавшись знакомой речи, Малкин, да и все, оживился, но фраза сконфузила Ваньку непонятностью, ухватил только, что видит перед собой правительницу. Вперился в соломенные волосы мужчины, забыв в растерянности поприветствовать Айдуку, торопливо задал ему вопрос:

— Ты кто? Почему все безликие?

— Ответ правительнице Даконии. Она ждет, — надавил голос из бело-голубой одежды.

Повернувшись к ней, Малкин глянул снизу вверх, привычно ища глазами лицо, но сильнее смутился и отвесил легкий поклон:

— Извини, правительница Даконии, я не знаю ответа, я вообще не понимаю, что происходит. Пусть кто-нибудь пояснит.

Мужчина перевел ей, и ровный женский голос коротко откликнулся. Мужчина кивнул, после чего люди услышали:

— Я белый маг Аватиал. Даконцы — славный народ, но правительнице Айдуке и ее народу выпало принять удар черных сил и выстоять или погибнуть в этой схватке. Дакония стоит на краю, но предсказание Древнейших дает надежду на возрождение. Твой приход был вписан в нашу летопись, когда ты еще не родился. Мы ждали этого времени. Моя магия показала, что ты появишься именно здесь и именно сейчас. Я узнал тебя. Ты тот, в чьих руках спасение Даконии. Тебя избрал Магический Совет Трех Стихий Жизни Древнейших. Поэтому правительница обращается к тебе.

Неловко переступив с ноги на ногу, Малкин зачем-то одернул спереди накидку и, переваривая услышанное, переложил из руки в руку посох:

— Это ошибка, правительница. Вы не могли ждать меня. Потому что никто не мог избрать меня, когда я еще не родился. Я шел не к вам, мы просто заблудились и вообще не понимаем,

как сюда угодили. Маг все перепутал. Маги вечно мутят воду. Мы случайно тут очутились. Мы вообще из другого мира. Вряд ли чем-то я смогу помочь тебе и Даконии. Какое спасение? Кроме этой палки, как видишь, в руках у меня больше ничего нет, — показал на посох в руке, испытывая дискомфорт от чувства, что тело словно начинал засасывать невидимый водоворот. Нахмурился. — Что, собственно, происходит? Я впервые слышу о Даконии и даконцах, понятия не имею, в каком конце света и в каком мире это находится.

Голос Аватиала над головами людей перевел правительнице монолог Малкина, та снова кивнула и снова произнесла негромкие незнакомые слова, вылетевшие, казалось, ниоткуда. Маг поклонился, прощурив одежду, и озвучил для людей:

— Правительница Айдука согласна: сначала вы должны постичь язык даконцев, узнать о Даконии и о том, что здесь происходит. Свежие познания помогут вам.

Засопев, Лугатик рядом с Малкиным тонко крякнул и присвистнул, вмешиваясь в разговор:

— Это мероприятие на целый год, — протянул недовольно и разочарованно. — Лично я не собираюсь на целый год за парту садиться. На кой ляд мне учить ваш язык? Зачем мне сдавалась ваша Дакония, не хочу ею забивать мозги! Мне по барабану непознанные знания. Я люблю сам решать, чем заниматься. К вам не просился, ваших условий не принимал. И вообще, на голодное брюхо никакая учеба не пойдет. Загнемся прежде, чем балакать по-вашему научимся.

— Правительница уже распорядилась, — успокоил голос Аватиала. — С голоду вы не загнетесь. Но сначала следуйте за мной, — и маг большими шагами направился к двери в боковой стене, полы длинной одежды разошлись, открывая кожаную обувь без каблучков с завязками поверху.

Айдука стояла прямая и величественная, жестом отправляя людей за магом. Пришлось подчиниться. Шестеро, упакованные в одинаковые наряды, гуськом потянулись за Аватиалом. Лугатик недовольно бурчал себе под нос, Раппопет набычился

и смотрел исподлобья, в глазах девушек плавало любопытство, ни у одной из них не появилось скрытого либо явного беспокойства.

Маг привел людей в зал из голубого камня, имевший в центре искусственное каменное возвышение алого цвета, опоясанное цепочкой серых камней меньших размеров. Голубизна камня, каким выложены стены, была глубокой и чистой, как высокое безоблачное небо. Под ногами пол цвета морской волны создавал иллюзию бездонной водной глади, где в густой пучине живет необъятный магический мир. Ноги Аватиала не шли, а мягко скользили по этой глади в направлении к алтому камню. Взгромоздившись на него, маг выпустил в воздух свой голос, пригласивший остальных располагаться на серых камнях. Малкин озадаченно осмотрелся, покрутил в руке посох и опустился на неровную поверхность ближайшего серого камня. Девушки сначала потрогали камни ладонями, ощутили идущее изнутри тепло и тоже тихо устроились с двух сторон от Ваньки. Раппопет и Лугатик сделали это с явной неохотой, бухтя и хмыкая, поелозили задами, ища удобное положение. Все взгляды устремились на Аватиала. Голос мага на сей раз вырвался, будто из центра алого камня, вознесся к потолку, распространился по залу и сверху опустился на друзей, произнося магические заклинания. Маг поднял руки, и у людей стали закрываться глаза, в телах появилась легкость, конечности перестали ощущаться. Все заснуло. Подвергнутые магической гипнопедии, во сне сначала оторвались от камней и воспарили в воздухе, потом стали на ноги и начали приседать, затем сели на пол и закачались из стороны в сторону, издавая поющие звуки, и после снова вернулись на камни, обхватив руками головы. Мозги закипели от работы, погружаясь в историю Даконии.

О Даконии, как о военном объединении племен предгорий Дакона, впервые упомянуто в 1122 срок летописи Бытия Трех Стихий Жизни. Тогда отдельные племена даконцев сцементировала волевая, жесткая рука вождя и мага Андролура-Объединителя. Он организовал войско, провел много победных битв

и инкорпорацию разрозненных земель и стал пробандом в генеалогии правителей Даконии. После него начались времена процветания, когда Дакония бурно прирастала новыми землями. Это продолжалось очень долго. Однако не бывает всегда все хорошо.

Через много-много сроков, во время правления Кропия, перед битвой с темными племенами юватов их черная магия лишила разума брата жены Кропия. Тот выкрал один из символов высшей власти Даконии и передал черным духам Тьмы, Бездны и Безумия. Сражение было проиграно, на даконцев опустилась черная мгла и скрыла их лица. Вернуть лица и прежнее величие даконцев можно было, только возвратив символ. Но никто в Даконии не знал, где он и как вернуть его. А у брата жены Кропия выяснить было невозможно, ибо нашли его вскоре без головы на лесной тропе.

И наступила длительная пора увядания, бездарных решений, конфликтов, трайбализма, проигранных войн, унижения, пьянства и обнищания Даконии. Элита разложилась, сибаритствовала, подсживала друг друга. Военские начальники жирели, воины обленились, разучились управляться с луками, копьями и мечами. Только жрали в три горла, хвастали победами великих предков, потому что своих не имели. Бездельничали и пустозвонили по всякому поводу. Становились жуирами, пресыщались разгульной жизнью, предавали все и всех. Множество даконцев бродяжило и разбойничало, затевая смуты против властей. Земледельцы и охотники отказывались кормить военных начальников с их воинами. А правители зазывали наемников, чтобы держать даконцев в узде и сохранить Даконию от парцелляции. Однако остановить раскрученный маховик было трудно. Селения и крепоты хирели, жилища ветшали. Недавние герои Даконии, приобретшие статус Непобедимых, заперлись в ощетинившихся твердолах и не высовывали носа за пределы своих парцелл. Магические колодцы поросли травой, перестали открываться, потому что никто не хотел заглядывать в них. Правителей нередко убивали, перехватывали из остывающих рук символы правления.

Так и приблизились к правлению любвеобильного правителя Куремы, который менял жен, как стрелы для лука во время охоты. Но скоро и его нашли в спальне с перерезанным горлом. Символы высшей власти перехватила Фако — двадцатая и последняя жена Куремы. Стала заворачивать круто, поставила Даконию на дыбы, устанавливая новые порядки. Земля под ногами у вельмож зашаталась. И началась череда покушений на Фако, но все попытки приводили ко вспарыванию животов участникам событий. Фако не церемонилась. Ибо не было другого пути, чтобы остановить гниль, ползущую по Даконии. И вероятно, Фако смогла бы повернуть события в нужное русло, но вдруг занемогла, догадываясь, что ее отравили, и едва успела передать символы высшей власти своей сестре Айдуке.

Между тем Айдука сильно отличалась от Фако, была мягкой и доброй, и это стало ее несчастьем, ибо правитель не должен быть добрым, правитель должен быть беспощадным, но справедливым. Приближенные считали Айдуку слабой правительницей, с новой силой разжигали интриги, сплетая их в паутину распрей. Сторонники предупреждали об опасности, но она доверяла улыбкам и словам всех, кто намеревался вцепиться ей в горло. Начались новые заговоры: комплот за комплотом. Это изматывало правительницу.

Дети Фако перегрызлись, доказывая, что правление должно было достаться по наследству одному из них. Средняя сестра Фако, Манав, тоже претендовала на правление, утверждая, что символы высшей власти принадлежат ей по старшинству. А младший брат Айдуки, Инуфрон, заваривал свою смуту. В ход шли любые инсинуации. Претенденты на трон открыто требовали от Айдуки абдикации. Особенно отличалась Манав — стерва от мозга до пят. Вокруг нее сколотилась котерия, готовая зубами рвать правительницу. Военские начальники мучили воду в войске, перетягивая канат на себя. Управляющие землями тоже ловили рыбку в мутной воде, развязывали языки и уклонялись от исполнения установок Айдуки. Все меньше рядом с нею оставалось тех, на кого можно было опереться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru